

БРЮС НЭШ

Все,
что мы
помним

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44
Н95

Bruce Nash
ALL THE WORDS WE KNOW
Copyright © Bruce Nash 2024

Нэш, Брюс.

Н95 Все, что мы помним / Брюс Нэш ; [перевод с английского А. Лисочкина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер).

ISBN 978-5-04-202109-1

«Начинается все с этой, как ее... Ну, в общем, с той женщины на автомобильной парковке. Одетая в ночную рубашку, она лежит на спине, глядя в небо. Ночная рубашка белая, а вокруг шеи вышиты такие голубенькие... как их там? Ах да, незабудки. Вокруг нее собралась небольшая толпа. Все в форме... то есть в униформе. Все моложе этой женщины, намного моложе. Смотрят друг на друга. Смотрят на небо. Смотрят вниз, на женщину. Перешептываются...»

Роуз за восемьдесят, у нее деменция. Однако ее жизнь продолжается. То удивительно проникательная, то поразительно забывчивая, она проводит дни, бродя по коридорам дома престарелых, размышляет о его персонале и обитателях и ждет визитов своих эмоционально далеких детей и внуков. Но однажды ее соседку по комнате находят мертвой после падения из окна. И Роуз начинает самое настоящее расследование...

Это и грустная, и смешная, и по-настоящему трогательная история о том, насколько по-другому видят мир некоторые люди, но при этом они видят то, что недоступно остальным.

УДК 821.111-312.4(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-04-202109-1

© Артём Лисочкин,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство Эксмо», 2024

Мюриэл «Джой»¹ Миллекен
посвящается

¹ В данном случае это не имя, а прозвище. Joy (*англ.*) — радость, отрада. — *Здесь и далее — прим. пер.*

Начинается все с этой, как ее... Ну, в общем, с той женщины на автомобильной парковке. Одетая в ночную рубашку, она лежит на спине, глядя в небо. Ночная рубашка белая, а вокруг шеи вышиты такие голубенькие... Как их там? Ах да, незабудки. Вокруг нее собралась небольшая толпа. Все в проформе... то есть в униформе. Профессиональной, медицинской. Все моложе этой женщины, намного моложе. Смотрят друг на друга. Смотрят на небо. Смотрят вниз, на женщину. Перешептываются.

Я вижу их, когда выхожу из этой штуковины... из лифта. Проталкиваю перед собой свой ходунок через фойе к большим раздвижным входным дверям и смотрю на них сквозь стекло. Отсюда хорошо вижу шею женщины, окруженную голубыми незабудками. Со зрением у меня всё в порядке.

Смотрю на людей на парковке. Мне видно, как они перешептываются через стекло. В смысле, мне видно через стекло, как они перешептываются. Здесь, в этом заведении, они всегда перешептываются. Или же орут друг на друга, так что можно все разобрать. Там Док-

тор — или кто он там еще на самом деле, Сердитая Медсестра, девушка с Филиппин и еще несколько человек, в том числе тот славный парнишка, что моет полы. И женщина в ночной рубашке. Она ни с кем не перешептывается. Взгляд ее устремлен в небо. Или в небеса. Не то слово, которое нынче часто услышишь. Женщины примерно моего возраста, и ее ночная рубашка очень похожа на мою, не считая этих, как их там, голубеньких на шее. Только вот я в жизни не вышла бы на парковку в ночной рубашке. Я всегда одеваюсь, когда выхожу из своей комнаты. В приличное платье или брючный костюм с подходящей к нему блузкой. Подходящей — это в смысле в тон, а не в том смысле, что блузки могут ходить сами по себе. Стараюсь не распускаться.

Они смотрят на эту женщину как на какой-то нежданно доставленный груз. Примут ли они этот груз? Всякие грузы поступают сюда каждый день. Каждый день на парковку заезжают грузовики, и через большие раздвижные входные двери входят люди, которые катят такие высокие вертикальные тележки, уставленные коробками. А как-то раз, если я правильно помню, и с каким-то знаменитым каннибалом в клетке, хотя это все-таки вряд ли.

Но, будь то коробки или Ганнибалы, к ним всегда прилагаются документы, которые должна подписать Сердитая Медсестра. Так они этого ждут? Документы? Женщина в ночной рубашке — это груз, доставленный без документов? Нет. Она, наверное, новый президент. То есть резидент. Постоялец. Вернее, постоялица. Хотя сейчас не может даже просто стоять, не говоря уже о том, чтобы постоять за себя или кого-то еще. Они

просто ждут, когда освободится место. Хотя обычно новенькие приезжают в инвалидных креслах. И обычно не лежат на спине на парковке, глядя в небо. Однако я не думаю, что она пробудет там слишком уж долго. Если в этом месте есть свободная кровать, то это ненадолго. В том случае, если для нее найдется место, она там долго не пролежит. Ни в коем случае.

Возвращаюсь в фильм... то есть в лифт, и поднимаюсь на свой этаж. Проталкиваю свой ходунок вдоль по коридору. Мой сын привязал к дверной ручке моей комнаты лоскуток шелка. Или моя дочь. Чтобы я знала, что это моя комната. *Мой сын... Моя дочь... Моя комната.*

Но прежде чем войти туда, я захожу в комнату своей приятельницы. Я могу легко отличить ее дверь, потому что к ней не привязан лоскуток шелка. Дверь эта открыта, я заглядываю внутрь, но моей приятельницы там нет. Что странно, так это что ее инвалидное кресло здесь, а моя приятельница — нет. Кресло это стоит возле окна, выходящего на парковку. Она без этого кресла-каталки никуда.

А я вот человек подвижный. У меня есть ходунок, и я хожу здесь, куда только захочу, — и надо, и не надо, ждут меня там или нет. Вот почему я каждый день стараюсь одеться как следует, несмотря на всю эту возню с пуговицами, крючками, молниями и всем прочим. Поддерживаю презентабельный вид. В отличие от моей приятельницы, которая приезжает в своем инвалидном кресле на обед в той же старой ночной рубашке, в которой лежит или сидит в постели. Ночнушка эта более

или менее белая, если не обращать внимания на пятна от еды спереди, которые девушка из Вьетнама время от времени протирает губкой. На воротничке — полинявшая вышивка в виде голубеньких цветочков. Как они там называются? Ах да, незабудки...

Моя комната лучше, чем у моей приятельницы. У меня в окне деревья. По крайней мере, кусочки деревьев. Листья, ветки, такого вот все рода. На полу под окном стоят растения в горшках, которые моя дочь поливает, когда приходит. Есть телевизор — в углу, высоко на стене. И у меня есть этот, как его, на котором стоят картинки. Фотографии. А еще большой ежедневник, открытый на сегодняшней странице, который, строго говоря, лежит там, а не стоит — в отличие от фотографий. Наверное, потому, что у него сзади нет этой, как ее... подставки. Мой сын пишет в этом ежедневнике всякий раз, когда что-то должно произойти. А я должна каждый день в него заглядывать, чтобы знать про это.

На фотографиях в основном молодые люди — дети, мальчики, девочки и так далее, а еще на одной, в самой глубине, возле стенки, — какой-то дядечка постарше. Все, кроме этого дядечки постарше, улыбаются, что приятно. Люди в телевизоре вот тоже улыбаются, но это раздражает. Они сидят за столом перед чашками с кофе, разговаривают, смеются и во всем друг с другом соглашаются, но никогда не смотрят друг на друга. Они смотрят на меня или на стену у меня над головой. Вид у них вроде довольный жизнью, но это может измениться. Иногда в телевизоре убийства, или политики, или кто-то слишком быстро ездит на несуразно больших машинах, или серьезного вида мужчины с важным видом ука-

зывают на какие-то цифры. Иногда люди там поют или едят гамбургеры, или поют и одновременно едят гамбургеры, хотя я никогда не включаю звук. Иногда на экране на удивление долго играют в крикет. А иной раз изображение вдруг вообще перестает двигаться, и появляются картинки этого места с информацией внизу о том, во сколько будет обед, или игра в бинго¹, или автобусная экскурсия — все то, касательно чего я должна сверяться с большим ежедневником, который всегда открыт и лежит на этом, как его там, рядом с фотографиями.

Всякий раз, когда приходит мой сын, то первое, что он делает — после того как переставит фото того дядечки постарше от стенки на самый передний край этого, как его там, — это смотрит в ежедневник, на открытую в нем страницу. То есть на страницу, на которой тот открыт.

— Здравствуй, золотко, — говорю я ему, стараясь не выдать своего удивления.

— Ты вроде удивлена, — отвечает он. — Ты ведь не забыла заглянуть в ежедневник, мам? Там написано, что я сегодня приду.

— Тогда я с нетерпением жду встречи с тобой, — говорю я ему.

Он обводит взглядом комнату — как и всегда, когда не совсем понимает, о чем я говорю.

Но сегодня мой сын ведет себя по-другому. Он смотрит на меня с выражением, которое я могу охарактеризовать только как печальное. А не обеспокоенное, нетерпеливое, запо... Запорошенное? Заполошенное.

¹ Бинго — практически то же самое, что и лото, только победитель объявляет о своем выигрыше возгласом «Бинго!».

— Мам, — спрашивает мой сын, — ты в порядке?

Невозможно понять, что он имеет в виду.

— Сегодня была доставка, — отвечаю ему, гадая при этом: «А сегодня ли?»

— Я мог бы свозить тебя выпить чаю, — говорит он, — если хочешь.

— В какое-нибудь милое местечко? — спрашиваю я.

— Конечно. В какое-нибудь милое местечко.

— Нет, спасибо, — говорю я ему, и он опять обводит взглядом комнату.

Тем не менее это очень любезно с его стороны — предложить. Он терпеть не может куда-то меня возить. Когда надо складывать ходунок и убирать его в этот, как его... багажник его машины. Меня тоже приходится складывать, чтобы усадить на пассажирское сиденье, и бережно обращаться с моей головой, чтобы я ею не стукнулась, а потом возиться с пристежным ремнем, чтобы убедиться, что я в безопасности, потому что мои пальцы никак не могут управиться с пряжкой. Когда приходится искать какое-нибудь милое местечко, объяснить мне меню, беспокоиться о том, всем ли я довольна... Бедняжка, он такой хороший сын.

Я говорю ему, чтобы он не беспокоился: мы просто попросим девушку из Лаоса принести нам чашку чая и печенье.

— Моя приятельница тоже может присоединиться к нам, — добавляю я. — Мы могли бы сыграть в скрэббл¹.

¹ Скрэббл — настольная игра, больше известная у нас как «Эрудит». Задача игроков, располагающих равным количеством фишек с буквами, заключается в том, чтобы составлять из них взаимопересекающиеся слова, как в кроссворде, стараясь занять

Сама не знаю, зачем я это говорю. Моя приятельница никогда не заходит ко мне в комнату, а я никогда ее не приглашаю. Но вид у моего сына заинтересованный, когда я упоминаю о ней, и я знаю, что ему нравится, когда у меня есть эти, как их... социальные контакты.

— Знаешь, она жульничает, — добавляю я.

На обед в столовой фрикадельки, а значит, день сегодня особенный. Я не спрашиваю. Может, Кубок Мельбурна¹, хотя ни на ком нет шляп. Вообще ни на ком нет шляп. Или опять окончание войны, или Рождество. Сердитая Медсестра сейчас на кухне — проверяет, достаточно ли серыми стали фрикадельки. Пока те пекутся, запекает за что-то девушку из Швеции. Обеспечивает порядок, печется за него.

Я прислоняю голову к стене, под большой картиной с улыбающимися акулами, и сажусь на свое обычное место. Акулы плавают в бассейне, балансируя яркими пляжными мячами на своих... как там это у них называется... Рылах? Мордах?

клетки игровой доски с наибольшим количеством очков. И, чтобы потом не делать еще одну сноску: все буквенные фишки в этой игре — одного цвета.

¹ Кубок Мельбурна — знаменитые скачки на ипподроме Флемингтон-парк в одном из пригородов Мельбурна, самый престижный двухмильный гандикап в мире и центральное событие красочного весеннего праздника в австралийском штате Виктория. А еще это карнавал, в ходе которого проводится конкурс на самый оригинальный головной убор — как среди женщин, так и среди мужчин.

Малый, который здесь не живет, — на соседнем с моим стуле, как обычно. Я здороваюсь с ним и, как обычно, спрашиваю у него, где его комната — на этом этаже, или этажом ниже, или этажом выше, как моя.

Вид у него малость шероховатый... ошарашенный.

— О, — восклицает он, — я здесь не живу!

— О, правда? — отзываюсь я. — В самом деле?

— Я здесь просто в гостях, — говорит он.

— Ну конечно же в гостях, — отвечаю я, после чего жду.

Он обводит взглядом всех, кто сидит на своих местах за обеденными столами, смотрит на ходунки и инвалидные кресла, выстроившиеся вдоль стены. На улыбающихся акул.

— У меня очень красивый дом, — говорит он. — С белым забором и гаражом на две машины.

Мы едим наши фрикадельки. Малый, который здесь не живет, явно хочет мне что-то сказать. Но я его обидела. Он всегда обижается, когда забываешь, что он здесь не живет.

Однако вскоре не выдерживает.

— Вы слышали? — спрашивает он у меня. Он всегда все знает. Для человека, который здесь не живет, он много чего знает об этом месте.

Отвечаю ему не сразу. Смотрю на остальных, сидящих вокруг нас в столовой. Непохоже, чтобы кто-то из них так уж много чего знал. Об этом месте или о чем-то еще. Но мне нужно быть любезной. Судя по тому, как они всматриваются в свои тарелки, им явно очень хочется как можно больше разузнать хотя бы о своих фрикадельках.

— Что слышала? — говорю я.
— Новости.
— Иногда. Уже не так часто. Мне не нравятся все эти улыбки.

— Да нет же... Вы слышали, что тут произошло? Здесь, в этом месте?

— Была доставка. Что-то привезли, — говорю я ему. Он не единственный, кто знает об этом.

— Кто-то умер, — говорит он.

А затем все мне выкладывает. Кто-то выпал из окна. Одной из комнат на верхнем этаже. Свалился прямо на парковку — и насмерть. Знает он не так уж много, но то, что он знает, наполняет его большой гордостью. Шепчет он так громко, что, наверное, слышно всем остальным. Глаза у него горят. И, как мне кажется, даже дрожат руки.

— Вы, наверное, очень рады, — говорю я.

Вид у него опять изумленный — и опять обиженный. То, что я сейчас сказала, — это явно не то, что можно было бы счесть, как это... применимым. Приемлемым.

Я иду в комнату своей приятельницы. Дверь открыта, я заглядываю внутрь, но моей приятельницы там нет...

— Здравствуйте, милочка, — говорит она.

Я говорю ей то же самое. Мы с ней частенько так поступаем, даже когда помним, как кого зовут. Я поступаю так и со своей дочерью и сыном — «милочка», «золотко», «зайчик» и так далее.